К 80-летию
А. П. КТОРОВА

Обаяние Таланта

Перебирая недавно газетные рецензии конца 20-х и середины 30-х годов, я заметил, какое большое место московские критики уделяли бывшему театру Корша. Собственно, театр беспощадно ругали. И ругали большей частью за репертуар: пьесы Барри и Фюльда, заполнившие его сцену, ни эстетического, ни художественного интереса не представляли. Но критика неизменно отмечала: в разностильном ансамбле бывших опереточных, эстрадных и драматических артистов (среди которых, кстати, было немало ярких и самобытных дарований) особенное место занимает актер, определенный в репертуаре на амплуа «благородных героев». Он увлекательно красив, этот актер. Он выгодно выделяется своим пронзительным взглядом в человека, резко отточенной характерностью. Он знает, что такое сценическая правда. Он умеет быть мудрым.

Имя этого актера — Анатолий Кторов.

Кторов стал популярен, снявшись в фильмах Я. Протазанова «Процесс о трех миллионах» и «Праздник святого Иоргена». Сыгранные им плут Каскарилья и вор Коркис открыли те качества актерской индивидуальности Кторова, которые потом, спустя годы, принесли ему славу великолепного мастера психологической школы. За трюкачеством и гротеском стояли людские жизни, нелегкие судьбы.

Когда театр Корша закрылся, Кторов пришел в Художественный. МХАТ понял Кторова, а Кторов понял МХАТ. Он всегда резко, а бы сказал, обостренно-конфликтно понимал жизнь, и его взгляд в мир несколько гиперболизировал мотивы мхатовских спектаклей. Но друг без друга они уже не могли.

В глаза прежде всего бросалась кторовская зоркость. Он умел видеть резкие стороны человека, его души, ума и мастерски переводить их в театральный план. Играя, он прежде всего пытался отыскать ответ на лично тревожащие его вопросы.

Так случались открытия. Чеховский Серебряков. Аскетичный, строгий, брезгливый. Несчастный. Умный. В мире, наверное, не понятый. Это была трагедия внутренней недоступности, внутреннего апломба, закрывшего личность перед людьми.

Джордж Бернард Шоу. Благородный, красивый. Если у старости может быть поэзия, то это поэзия старости. Утонченный ум, манеры. Боль за мир и себя в нем.

Старый князь Николай Болконский в фильме С. Бондарчука «Война и мир». Неуклюже злой. Пронзительно чудакватый. Резкий, жестокий, смешной, волнующий сердце человек.

Альберт Эйнштейн. Бездонно глубокий и притом удивительно доступный. Добрый. Живой. Непостижимо человеческий.

И за всем этим — Кторов. Он всю жизнь оставался самим собой, несмотря ни на что. Этот человек умеет уважать себя. И за это

его уважают другие.

Искусство — для него очищение. Потому-то ему были одинаково доступны историческая хроника и веселый водевиль, психологическая драма и острый фарс. В синтезе нежной лирики, подлинного драматизма, юмора и гневной сатиры — обаяние Анатолия Кторова.

В недавней премьере нашего театра — «Чеховских страницах» у Кторова небольшая сцена: он читает рассказ Чехова «О вреде табака». Спектакль этот уже экранизирован, и многим, вероятно, довелось его посмотреть. В зале смешно-аристократичный кторовский Иван Иванович Нюхин неизменно вызывает аплодисменты. Талант актера снова радует и удивляет. И снова учит нелегкой науке — жизни.

О. ЕФРЕМОВ,
народный артист СССР.

ТРУД
г. Москва

25 АПР 1978